

ПОРТРЕТЫ
МОЛОДЫХ

В мире собственников — чужая...

во деловитого Эриха Кламрота. И когда Маттиас и Инкен, впервые так вдвоем, застывают вплотную друг к другу, возле них возникает и эта ухмыляющаяся посредственность в окружении людей в желто-коричневых френчах, чтобы в очередной раз произнести многозначительное: «Вам не оставаться время».

Насколько удалось задержать ход времени самим кламротам, мы знаем. Но и во что это обошлось, знаем тоже. В данном конкретном случае это стоило жизни Клаузену и Инкен.

Все последующие сцены спектакля строятся на ожиданиях трагедии, которая вот-вот произойдет. И церемония семейного завтрака Клаузенов, с которого Инкен фактически выгоняют. И существование Клаузена и Инкен после их возвращения из Швейцарии. Внешне они по-прежнему счастливы, и Инкен все так же всепоглощенно смотрит на Маттиаса, предупреждая любое его движение. Но при этом она предельно собрана, настрожена, как человек, постоянно ждущий беды. Она верует в благополучный исход событий, интуитивно ощущая невозможность его. И — борется, вопреки очевидности, несмотря на заведомую обреченность сопротивления. Окружающий мир убивает Клаузена — и она в исступлении отрывается от такого мира: она — одна, с револьвером в руках — бросается наперекор Времени.

А потом, в финале, она устало опустится рядом с мертвым Маттиасом и застынет, невидяще глядя в пустое пространство сцены. Ибо в мире, уничтожившем Клаузена, для нее места нет.

Т. ИСКАНЦЕВА.

В ПЕРЕЧНЕ действующих лиц, предваряющем драму «Перед заходом солнца», Герхард Гауптман предусмотрительно указал особенности того или иного из них. В частности, Инкен Петерс: «тип северянки». Эту более чем скромную характеристику дополняет реплика одного из персонажей, советника Ганефельдта: «Она производит впечатление свежести, прямоты... Умеет быть нежной и женственной, как никто». Слова лестные, но и толкающие исполнительницу роли на соблазн сыграть «голубую героиню», эталон дитя природы, в меру прямодушное и обаятельное.

Режиссура Л. Хейфеда, поставившего пьесу Гауптмана на сцене Малого театра, исключает самую возможность подобной трактовки. Что претендент здесь Инкен, так это именно мера. Она — живой человек, попавший в своего рода паноптикум, в зону обитания человекоподобных существ, у которых изъята сердца и истреблены души. Их интересы лежат в сфере сугубо материальной: коммерция, фамильные драгоценности, карьера. А им навязывают духовность, да еще в обличье этой светловолосой, высокогороставшей девицы Петерс.

Наталья Вилькина, играющая эту роль, зарекомендовала себя актрисой, от которой можно много требовать и ждать. В 1967 году выпускница она Пушкинского училища она пришла в ЦТСА. Скоро в ее «послужном списке» появились Олюня («Надежда Милованова»), Таня («Два товарища»), Соня в чеховском «Дяде Ване». Актриса скорее «размышляющая», нежели «переживающая», Вилькина уже тогда стремилась предельно точно проследить логику разви-

тия характера персонажа, суть и самобытность которого достаточно определились к началу сценического действия.

Потом были роли в спектаклях Театра имени Вл. Маяковского. Пола Гроу («Три минуты Мартина Гроу»), Негина («Таланты и поклонники») и Зина («Дядюшкин сон») — классические версии характера, издевавшего, что значит «одной лишь думы власть», будь то истовая страсть к театру или испуганная любовь к чахоточному учителю.

Ролью Инкен Петерс Н. Вилькина дебютировала на сцене Малого театра. Чужая — в мире мер, приличия и порядка. На чествовании тайного коммерции советника Клаузена — посторонняя, не столько из-за занимаемого общественного положения, сколько в силу самой сути своего существа. Она не вписывается в жесткую соразмерность и выверенную красоту интерьера (стена органных труб, то ли символ душевной гармонии, то ли клетка, в которой заперт Клаузен). В ней все — вопреки: и короткое черное платье с ученическим белым воротничком, и упрямая угловатость, и прямота, которая здесь кажется выходящей. Первое ощущение от этой Инкен — то, что ей неловко. Не за себя — в ней нет ни застенчивости, ни тем более чувств неполноценности — за присутствующих, за весь этот парад чопорности и фальши. Нелов-

кость, которая сродни неприятию окружающего Маттиасом Клаузену.

И в «своем» мире Инкен воспринимается как существо иного склада, нежели остальные. Просто исчезли скованность и напряженность человека, попавшего в стан потенциальных врагов. Она — дома и при деле: закатываются рукава выходной блузки, руки привычно чем-то заняты. Но вот принципиально важный разговор с матерью, обеспокоенной тем, что дочь — предмет увлечения семидесятилетнего тайного коммерции советника. Отбросив шутиливый тон, Инкен — Вилькина произносит своеобразную исповедь, излагает свое кредо. Перед нами — незаурядная личность, душевные силы которой дремали и которую пробудил к жизни именно Клаузен. Благодаря ему Инкен приобщилась к ценностям духовным, открыла собственную человеческую значимость и, как бы заново сотворенная Клаузену, полибила своего создателя. Нам предлагается еще одна версия истории, о Пигмалионе, но на этот раз с заведомо трагическим финалом.

Дело в том, что Маттиас Клаузен творит душу Инкен по образу и подобию высшего идеала в тот промежуток истории, когда само понятие «идеал» отвергается и уничтожается. Время больше не принадлежит клаузену, оно переходит в ведомст-